

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

РАССРЕДОТОЧЕНИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВО В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ЛЕКАРСТВА ОТ КОРРУПЦИИ, РАСПАДА И ЗАМЕДЛЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© 1995 г. Олсон М.

(США)

Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного автором 13–15 апреля 1995 г. в Москве на конференции "Реформы в России: установившиеся интересы и практические альтернативы".

Главная задача, которую поставил перед собой автор, – проанализировать причины патологических процессов переходного периода в России.

Сопоставьте то, что случилось с обществами, находившимися под фашистской диктатурой после поражения фашизма во второй мировой войне, с тем, что произошло после поражения коммунизма в странах, где правили коммунистические диктатуры. После войны в Западной Германии и Японии наблюдалось "экономическое чудо", тогда как во многих государствах, в прошлом имевших коммунистическую общественную систему, состояние экономики даже ухудшилось по сравнению с коммунистическими временами. Кроме того, в Западной Германии и Японии установился стабильный порядок, и население их не слишком страдало от разгула преступности и коррупции в верхах*, тогда как многие граждане и фирмы ряда бывших коммунистических государств не перестают жаловаться на давление со стороны мафии и продажность чиновников. В послевоенных Западной Германии и Японии не было тенденций к территориальному распаду и рассредоточению власти, а Германия после крушения ГДР в 1989 г. даже смогла добиться объединения. Но несколько бывших коммунистических государств – Югославия, Чехословакия и Советский Союз – распались на части, а Россия столкнулась не только с сепаратизмом чеченцев, татар и многих других, но и с переходом власти из рук Москвы в республики и прочие региональные и местные административные единицы. Эти громадные различия еще сильнее бросаются в глаза, если учесть то, к чему стремились и чего желали страны, победившие во второй мировой войне. В конце войны и некоторое время после ее окончания страны-победительницы серьезно опасались, что Германия и Япония вновь станут агрессивными диктатурами, а поэтому не хотели, чтобы те построили у себя сильную промышленность или сделались мощными и едиными государствами.

Мне кажется, что драматический контраст, существующий между судьбой бывших фашистских и бывших коммунистических обществ, не анализировался ранее, потому

* Хотя Япония и страдала в последнее время от коррупции целого ряда своих самых известных политиков, уровень преступности там гораздо ниже, чем в большинстве других стран, а японская бюрократия отличается относительной честностью. За исключением отдельных отраслей, таких как строительство и общественные работы, большинство японских граждан и фирм могут заниматься своим делом, не опасаясь коррупции.

что не существовало общей идеи или теории происшедшего, без чего невозможно полностью понять данный феномен. Нам следует разобраться в том, каким образом функционируют посткоммунистические общества, в их социальной психологии в прошлом, и только тогда мы сможем поставить правильный диагноз той болезни, которая подчас не позволяет им добиться "экономического чуда", уничтожить коррупцию чиновничества, справиться с политической раздробленностью и связанными с ней конфликтами. Когда мы поставим правильный диагноз, сразу станет ясно, какие лекарства потребуются для лечения болезни и что нужно сделать, чтобы народы посткоммунистических стран смогли осуществить свои надежды и чаяния.

Следовательно, первое, что от нас требуется, это разработать и развить идеи или теорию, которые помогут поставить диагноз. Затем надо будет продемонстрировать, что данная теория проливает свет на особенности опыта бывших фашистских стран и других рыночных демократий. Далее мы спроецируем эти идеи на процесс старения в обществах, построенных по типу политической и экономической системы, созданной Сталиным. Понимание этого процесса даст возможность диагностировать патологические процессы переходного периода, когда общество отходит от коммунизма. Перейдем к разработке нужных в этом случае идей.

ТЕОРИЯ ВЛАСТИ

Нам сейчас необходима теория, в центре внимания которой была бы власть, базирующаяся на принуждении, а также те выгоды, которые она приносит; теория, объясняющая поведенческие мотивы к получению власти, основанной на принуждении, и побудительные мотивы, стоящие перед теми, кто ею уже обладает. Любой сколько-нибудь интеллектуальный подход к проблеме должен, разумеется, включать в себя вопрос о рынке и о свободе операций на нем, но начинать (как мы в этом убедимся) нужно не с них. Практические результаты зависят не только от побудительных мотивов и личных интересов тех, кто обладает властью, но и от характера и морали этих людей, а также от многих других факторов. Однако рассматриваемая проблема станет невероятно сложной, если мы не будем анализировать все ее составляющие по порядку. Поэтому я сейчас остановлюсь исключительно на побудительных мотивах — стимулах к действиям, направленным на получение личной выгоды, — которые стоят перед теми, кто располагает властью.

Я начну исследование с метафоры *криминальной* направленности. Совершенно очевидно, что мы не можем считать грабеж ни торговлей, основанной на принципе добровольности, ни действием, мотивированным моралью, что поможет нам сосредоточиться лишь на факторе использования силы, опирающейся на принуждение и применяемой в корыстных интересах. Направив основное внимание на это, мы сможем увидеть то, что скрывается под внешним слоем, а затем выстроить искомую теорию. Поскольку в каждом жизнедеятельном обществе криминальное поведение представляет собой скорее исключение, чем правило, "криминальная" метафора также напугает нас о том, в какой степени мы абстрагируемся от сложности человеческой природы.

Рассмотрим побудительные мотивы, стоящие перед отдельным преступником в многолюдном обществе. Даже если одно общество отличается от другого лишь степенью своего богатства, то и тогда преступнику лучше жить в богатом обществе: украсть там можно больше. Воровство, кроме того, снижает уровень процветания общества, делает его менее богатым, чем оно было бы, не будь воровства — время, посвященное воровству, потрачено непроизводительно, и учтите, что воровство уменьшает отдачу от производительности труда, сокращает инвестиции и отвлекает ресурсы из сферы производства, заставляя расходовать их на охрану, замки, полицию, суды и тому подобное. Отсюда преступления, совершаемые преступником-одиночкой, сокращают богатство общества, а тем самым и количество того, что можно украсть. Но ограничивает ли преступник масштабы своей деятельности лишь потому, что она уменьшает количество того, что можно украсть?

Все мы знаем, что нет, не ограничивает, но важно понять, почему он этого не делает. Типичный вор, действующий в обществе, состоящем, скажем, из миллиона лиц, может понести примерно одну миллионную от ущерба, причиненного обществу его преступлением, которое снизит производительность труда этого общества по сравнению с тем, какой она была бы, не соверши вор преступления, но вся тяжесть ущерба ляжет на преступника целиком, если он упустит какую-либо возможность украсть. Таким образом, преимущества, которые сулит преступнику богатое общество, и тот факт, что преступления сокращают его богатство, *не делают* преступление не выгодным, таковым оно может иногда стать, если общество будет наказывать преступников, а фирмы – защищать себя от них. Хотя каждый преступник и заинтересован в том, чтобы общество было богатым, заинтересованность эта настолько ничтожна, что он попросту его игнорирует.

Как нам предстоит убедиться, существует громадная разница между ситуацией, когда заинтересованность в обществе со стороны человека со склонностью к принуждению "узко направлена", и положением, когда этот интерес приобретает "всеохватывающий" характер.

Теперь от темы преступника-одиночки обратимся к феномену главы мафиозной "семьи" или иной преступной группировки, монополизировавшей преступную деятельность на какой-либо территории. Предположим, что в некотором четко ограниченном регионе банда получила возможность не только более или менее безнаказанно воровать, но и не допускать посторонних к тому же на "своей" территории. Разумеется, у мафиозной "семьи" имеются побудительные мотивы для этого. Но будет ли для нее выгодным красть все, что имеется на ее территории? Конечно, нет. Если во владениях мафии воровство делает бизнес занятием невыгодным или же из соответствующих кварталов начался отток населения, вызванный ростом преступности, то уровень доходов в этих кварталах окажется недостаточным и сократится количество того, что можно украсть. Нет сомнения в том, что мафиозная "семья", обладающая действительной и постоянной монополией на преступления в этих кварталах, *никогда не станет там воровать*. Если она монополизировала преступность на данной территории, то ей выгоднее способствовать прибыльности местного бизнеса и обеспечить безопасность населения. Таким образом, крепкая мафиозная "семья" увеличит свою выручку, торгуя "охраной", защитой от преступлений, которые она готова совершить сама (если ей не заплатят), и преступлений, которые совершат другие (если она не будет держать на расстоянии посторонних преступников). При равенстве всех прочих факторов чем более благоприятные условия для ведения бизнеса создаст та или иная община, чем лучше будут условия жизни, тем больше там окажется "охранного" рэкета. Следовательно, если какая-либо "семья" имеет абсолютные возможности для того, чтобы совершать и монополизировать преступления на конкретной территории, преступность там будет невелика или (за исключением "охранного" рэкета) ее не будет вообще. Обширная литература по монополизации преступности не оставляет сомнений в том, что такая монополизация ведет скорее к развитию "охранного" рэкета, чем к увеличению числа обычных преступлений, и что вспышки воровства и насилия на "подопечных" мафии территориях обычно являются признаком того, что контролирующая их банда теряет свою монополию [1].

Грабитель-одиночка, действующий в многолюдном обществе, зависит от приобретений или потерь в нем настолько незначительно, а интересы его в этом плане столь узки, что он попросту игнорирует ущерб, который его грабежи наносят населению. В отличие от него мафиозная "семья", монополизировавшая преступность в той же общине, испытывает к ней относительно "всеохватывающий" интерес, сконцентрированный на доходах этой общины, в которых она может иметь долю, так что, используя свою, основанную на принуждении силу, она принимает в расчет и интересы общины [2]. Банда, обладающая прочной монополией на совершение преступлений в тех или иных кварталах, сможет получить значительную часть общих доходов общины, облагая ее "налогом на охрану", а таким образом, на нее ложится значи-

тельная часть общественных убытков от грабежей и взломов, осуществленных в ее "владениях".

Что произойдет, если глава мафиозной "семьи" установит полный контроль над тем или иным регионом или страной?

ПЕРВЫЙ ДАР НЕВИДИМОЙ РУКИ

Ответ на этот вопрос я отчасти нашел совершенно случайно, когда много лет назад прочел исследование об одном китайском милитаристе [3]. В двадцатые годы нашего века значительная часть Китая находилась под контролем различных диктаторов-милитаристов. То были люди, руководившие вооруженными бандами, с помощью которых они захватывали ту или другую территорию, а потом провозглашали себя ее правителями. Они облагали население высокими налогами и клали в карман большую часть полученного. Диктатор-милитарист Фан Ю-чен был известен решительностью, с которой он использовал свою армию для подавления бандитизма, и тем, что разгромил относительно сильную армию бандита-гастролера Белого Волка. Очевидно, большинство населения во владениях Фана предпочитали его присутствию нападением бандитов-гастролеров. Вначале это меня озадачило: почему диктаторов-милитаристов, которые были "оседлыми" бандитами, непрерывно обворовывавшими конкретную группу жертв, эти жертвы предпочитали бандитам-гастролерам, которые грабили и скоро уходили? Ведь диктаторы-милитаристы не обладали традиционной легитимностью и не избирались населением или кем бы то ни было.

Дело в том, что, если "бандит-гастролер" становился оседлым, его грабежи принимали форму упорядоченного налогообложения, а он сам начинал осуществлять монополию на грабежи в своих владениях, то люди, которых он облагая налогом-грабежом, получали побудительный мотив к производству, отсутствовавший у них, когда их дочиста обирали бандиты-гастролеры. Оседлый бандит отбирает лишь *часть* доходов в виде налогов, потому что он сможет получать больший налог с подданных, оставив им стимул добиваться увеличения своих доходов. Таким образом, жертвы оседлого бандита, подобно самому бандиту, будут жить лучше, чем при наездах бандитов-гастролеров.

Если оседлому бандиту удастся монополизировать грабежи и воровство в своих владениях, тогда жертвам его не придется беспокоиться о том, что их ограбит еще кто-нибудь. Поскольку все жертвы такого бандита представляют для него источник налоговых поступлений, у него тоже есть побудительный мотив защищать этих людей.

Когда грабежи и кражи монополизированы, жертвы этих преступлений могут рассчитывать на то, что им удастся что-то накопить из средств, оставшихся после выплаты налогов. И, следовательно, у них имеется стимул к накоплению и инвестированию, что в свою очередь увеличит их (и налоговые поступления в адрес оседлого бандита) в будущем.

В мире, где действуют бандиты-гастролеры, никто не видит никаких или почти никаких побудительных мотивов производить или накапливать все, что может быть похищено, поэтому в нем мало всего и для самих бандитов. Бандитская рациональность, следовательно, должна побудить вожака установить контроль над той или иной территорией, стать там правителем и обеспечить ее населению мирную жизнь и прочие блага, а себе тем самым — больше средств от налоговых поступлений, чем он мог бы получить, будучи мигрирующим грабителем.

Таким образом, мы сталкиваемся с феноменом "первого благословения невидимой руки": рациональный, руководствующийся собственными интересами вожак шайки бандитов-гастролеров, как бы ведомый невидимой рукой, останавливается, закрепляется на месте, потом надевает корону и приводит на смену анархии власть. Гигантское увеличение масштабов производства, обыкновенно сопровождающее установление мирного порядка и появление прочих общественных благ, приносит оседлому бандиту куда большую добычу, нежели та, на которую он мог бы рассчитывать, если бы не ввел для населения властного порядка и управления.

Поскольку оседлый бандит присваивает себе часть общественного продукта в виде налога-грабежа, ему выгодно обеспечить население не только мирным порядком, но и другими благами, которые оно не может получить от рынка. В настоящее время уже многие понимают, что рынок не в состоянии дать населению такие блага-товары, как контроль над наводнениями, карантинные мероприятия против эпидемии заразных заболеваний или оборону против неприятеля, — блага для широких масс населения; отдельный человек, пожелай он получить такие блага-товары для себя, вскоре обнаружит, что пользуется лишь их крохами, микроскопической их частью. Такие личности и такие фирмы, действующие на рынке, не получают стимулов добиваться мирного порядка или обеспечить его, равно как и любого другого "коллективного", или "общественного", товара*. Но для рационального оседлого бандита такой побудительный мотив существует. Он сулит ему значительные выгоды в виде увеличившихся налоговых поступлений от любых общественных благ, которые способствовали повышению продуктивности экономики или росту контролируемого им населения.

ЛОГИКА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ УЗКИХ ИНТЕРЕСОВ ИНТЕРЕСАМ ВСЕОХВАТЫВАЮЩИМ

С помощью модели, появление которой было инспирировано нашей "криминальной" метафорой, мы в состоянии разглядеть четкую и всеобъемлющую логику всех этих историй. Как мы помним, наш преступник-одиночка, действующий в обществе, состоящем из 1 млн. человек, имеет лишь локальный или крайне незначительный побудительный мотив, определяющий его заинтересованность в благосостоянии этого общества, мотив, который он может полностью игнорировать: его же собственные интересы состоят в том, чтобы забрать из сейфов, которые он взламывает, всю хранящуюся там наличность.

Мафиозная "семья", в чьих силах монополизировать преступность в тех или иных кварталах, но не отвадить отсюда государственного сборщика налогов, будет воздерживаться от совершения преступлений, наносящих существенный ущерб обществу, и постарается перейти к охранному рэкету. При этом *нерационально* было бы требовать от владельца все содержимое его кассы — полностью 100% капитала бизнесмена или домовладельца не заберут. Следовательно, не произойдет и оттока тех самых фирм и домовладельцев, на процветание которых рассчитывает мафиозная "семья", учитывая ее всеохватывающий интерес к данным кварталам, основанный на наличии у нее монополии на преступность в этих местах, а отсюда возрастут в абсолютных показателях и поступления налогов "за охрану". Таким образом, размер налога "за охрану", взимаемого по ходу "охранного рэкета", всегда будет менее 100% доходов жертвы**.

* Поскольку в развернутом виде моя аргументация приведена в [4], развивать здесь эту тему я не буду.

** Если одновременно будут действовать и мафиозная "семья", и некий рвач-автократ, суммарно плата за охранный рэкет и налог, установленный автократом, окажутся выше тех поборов, которые каждый из них взимал бы поодиночке. Когда, например, руководитель мафии обдумывает размеры обложений в рамках охранный рэкета и при этом понимает, что эти обложения снижают уровень деловой активности в данных кварталах, он не преминет отметить, что связанные с этим потери частично выражаются и в снижении налоговых поступлений, собираемых правительством, а такие потери мафиозная "семья" не имеет ни малейшего основания принимать в расчет при определении размеров выплат "на охрану", которые она требует от своих "клиентов". Если бы мафиозная "семья" была столь же сильна, как ставшая оседлой бандитская шайка, и ее "охранный" рэкет оказался бы здесь единственным налогом, тогда сумма налогов, взимаемых с граждан, уменьшилась бы, а доходы населения данных кварталов увеличились. Другими словами, конкуренция, борьба за власть на данной территории, идущая между правителями-автократами, имеет отрицательные последствия для подданных, и для них была бы лучше монополия, установленная одним из правителей. И, напротив, конкуренция между двумя партиями, действующими в условиях демократии и пытающимися добиться большинства на выборах, что дает партии-победительнице власть на определенный срок, когда она будет обладать монополией на власть, ведет к значительному снижению налогообложения по сравнению с уровнем, который существовал бы при правлении единоличного правителя-автократа, и к очень большому его снижению по сравнению с суммой налогов, взимаемых "оседлым" бандитом плюс мафиозной "семьей".

Рациональный вожак "оседлой банды" обеспечит существование автократической власти, которая не поднимет уровень налога-грабежа выше той отметки, когда этот налог будет снижать суммарные доходы общества настолько, что его доля от понесенного обществом ущерба окажется равной его же прибыли от получения большей, чем ранее, части суммарных доходов населения. Чтобы это стало ясно, предположим, что существует единственный пропорциональный налог и уровень налогообложения, при котором данный автократ получит максимальную выручку, составляет ровно 50%. Тогда последний доллар, полученный в ходе взимания налогов, сократит национальный доход на два доллара, а на долю автократа придется половина этой потери, т.е. им будет достигнута точка индифферентности – максимум функции величины взимаемого им налога. Иными словами, оседлый бандит почувствует, что он ничего не выиграет от увеличения своей доли D национального дохода выше того уровня, когда национальный доход опустится на $1/D$. Всеохватывающий интерес, который оседлый бандит питает к обществу, состоит в том, что его опять ведет невидимая рука, ограничивающая масштабы его грабительства.

Всеохватывающий же интерес побуждает его делать добро обществу. В частности, он выигрывает, используя имеющиеся у него ресурсы на благо обществу в пределах, когда национальный доход увеличивается в $1/D$ раз по сравнению с предельно высокой себестоимостью общественных благ. Если оптимальный уровень взимаемых им налогов составляет 50%, затрата лишнего доллара на производство общественных благ-товаров будет выгодна для него до тех пор, пока этот доллар увеличивает на два доллара или более доходы его владений. Уверенный в прочности своего положения, оседлый бандит, как мы видим, использует свою власть отчасти и конструктивно.

Положим, что есть некоторая демократия, существующая под контролем сплоченного большинства населения, и предположим, не давая никаких оценок, что это большинство, руководствуясь теми же эгоистичными интересами, что и автократ, перераспределяет доходы меньшинства в свою пользу. Поскольку представители большинства не только обладают теми же возможностями контролировать налогообложение и систему перераспределения доходов, что и автократ, но и получают доходы в рамках рыночной экономики, их интерес обязательно будет значительно выше, чем у автократа. Следовательно, они будут обращаться с меньшинством лучше, чем автократ со своими подданными. Этот момент в сочетании с определенными внутренними причинами, по которым в зрелых демократиях, в конечном счете, существуют верховенство прав частной собственности и право требовать соблюдения заключенных соглашений, значительно усиливает традиционные позиции демократии. Но поскольку эти преимущества демократии прямо не относятся к нашей теме и о них уже очень много говорилось*, мы на данном вопросе останавливаться далее не будем.

АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ ГРУПП, ИМЕЮЩИХ ОСОБЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Рассмотрим теперь ситуации, в которых фирмы или рабочие, занятые в той или иной отрасли промышленности, или же отдельные лица, занимающиеся определенной деятельностью или принадлежащие к какой-либо профессии, объединяются для проведения коллективных действий в своего рода лобби или картель. Фирмы и рабочие какой-либо одной отрасли экономики едва ли составят большинство электората и едва ли на них придется сколько-нибудь значительная доля национального дохода страны. Так как они не представляют собой большинства им не удастся получить полный контроль над налогообложением и затратами. Это – функции правительства. Вместо этого им следует воспользоваться "рациональным невежеством" электората относительно деталей общественной политики и их конкретной

* См. мою статью [5]. Формальные обоснования и дополнительные выводы содержатся в [6].

отрасли промышленности или профессии. Они будут часто прибегать к лоббированию, чтобы добиться принятия мер, соответствующих их особым интересам, как то: протекционизм в сфере импорта, ограничения на получение специальности или регистрацию, налоговые льготы или субсидии. На своем участке рыночной экономики они могут создавать картели или вступать между собой в сговор с тем, чтобы монополизировать цены или размер заработной платы.

В какой степени такие организации, проводящие коллективные действия в интересах конкретных отраслей промышленности или профессий, руководствуются побудительными мотивами, заставляющими их воздерживаться от перераспределения доходов в свою пользу, которое могло бы нанести ощутимый ущерб экономике?

Прибыли и даже добавленная стоимость в типичной отрасли экономики, а также заработная плата в часто встречающейся профессии представляют собой лишь малую часть валового внутреннего продукта (ВВП). Представим себе для простоты, что данные коллективные интересы распространяются, скажем, на 1% ВВП. Следовательно, коллективные интересы будут удовлетворены, если в их пользу произойдет перераспределение средств по линии правительства или картелей, и это перераспределение будет идти до тех пор, пока общественные убытки в 100 раз превысят коллективные выгоды. Только тогда предельная доля общественных убытков станет равной прибылям указанной группы в момент предельно высокого перераспределения. Таким образом, типичная группа с особыми интересами характеризуется скорее узкими, нежели всеохватывающими интересами. Поэтому ее побудительные мотивы не столь благотворны, как те, которые имеет большинство. И, к сожалению, они гораздо более вредны для общества, чем побудительные мотивы оседлого бандита; часто они причиняют больше зла, чем те, что у банды, занимающейся охранным рэкетом, и немногим лучше, с точки зрения общества, побудительных мотивов бандита-одиночки.

Случается, что представители отдельных отраслей промышленности и профессий не объединяются для проведения коллективных действий, которые, как правило, решают проблемы одиночек. Они возникают только тогда, когда представляют собой выгоду для малого количества участников (например, для необходимого числа крупных фирм, действующих в четкой очерченной, узкой отрасли промышленности), или же когда существуют "селективные побудительные мотивы" (материальное поощрение или наказание, которые в отличие от коллективного блага, предоставляемого организацией своим участникам, могут распространяться на отдельных лиц и фирмы или блокируются в зависимости от того, как они отражаются на стоимости коллективных действий*.

Даже когда круг заинтересованных лиц и фирм узок или налицо "селективные побудительные мотивы", что позволяет создать организацию для коллективных действий, обычно проходит немало времени, прежде чем последние проявятся. Таким образом, лишь общества, длительное время находящиеся в состоянии стабильности, могут иметь разветвленные и достаточно мощные сети организаций, способных на коллективные действия.

МОЯ АРГУМЕНТАЦИЯ И ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ

Мною были приведены доводы в пользу того, что общество нуждается в длительном времени для создания многочисленных организаций, призванных осуществлять коллективные действия, и что узкокастовые органы, которые действуют в рамках какой-либо одной отрасли экономики, профессии и т.д., наносят самый большой вред эффективности и динамизму экономики. Посмотрим на примере опыта

* Аргументация, приводимая в этом и предыдущих разделах, разрабатывалась мною во "Взлете и упадке наций", а также "Логике коллективного действия" ("Rise and Decline of Nations" and "Logic of Collective Action").

рыночных демократий Запада, соответствует ли эта теория фактам. Если моя теория верна, следует ожидать, что общества, установившие реальный правопорядок после того, как катастрофа, постигшая их, разрушила все организации, которые должны были действовать коллективно, какое-то время будут переживать период чрезвычайно быстрого роста. И напротив, общества, уже долгое время стабильные, должны развиваться гораздо более медленными темпами, чем общества, по всем иным параметрам сопоставимые с ними.

Самую продолжительную стабильную историю без иноземных вторжений и насильственного разрушения своих институтов имеет Великобритания. В соответствии с указанной теорией, эта страна в прошлом должна была переболеть "британской болезнью", имея самые низкие показатели экономического роста среди всех ведущих демократических стран. Феномен "экономического чуда", который мы видим в Германии и Японии после второй мировой войны, также говорит в пользу нашей теории. Если развить ее, то можно объяснить и общую модель регионального роста, проявившуюся после второй мировой войны в Соединенных Штатах, и другие модели. Большинство тестов и оценок, проведенных и полученных исследователями, в основном подтверждает правильность предложенной теории*.

СКРЫТЫЕ ИСТОЧНИКИ ЧЕСТНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Пока мы не можем объяснить причину возникновения эпидемии жалоб на коррупцию должностных лиц и мафиозную преступность после крушения коммунизма, тогда как введ за поражением фашизма подобной эпидемии не наблюдалось. Граждане Западной Германии и Японии, равно как и большинства стран западной демократии, по временам становились жертвами скандальных историй, но не выражали и тысячной доли тех протестов против коррупции среди чиновников и деятельности мафиозных группировок, с которыми обращается в различные инстанции множество людей в бывших коммунистических государствах.

Давно известно, что одним из источников законопослушного поведения является сильное правительство, которое эффективно карает правонарушителей. Западная Германия, Япония и большинство других ведущих стран с развитой демократией, по всей видимости, имели более сильное правительство, чем Италия, и это помогает объяснить, почему именно она столкнулась в своих южных регионах с крупными проблемами, связанными с деятельностью мафиозных "семей", тогда как большая часть государств с рыночной экономикой и демократическими режимами таких проблем не знала. (Этнические и расовые противоречия, хорошо разработанная система защиты юридических прав обвиняемых также могут составить местную специфику, что объясняет, например, причины разгула уличной преступности в больших городах Соединенных Штатов). Но сила правительственной власти отнюдь не исчерпывает возможности объяснения масштабов преступности и коррупции, в частности, потому, что нам требуется независимое истолкование факта существования коррупции среди должностных лиц. Если правительственные чиновники коррумпированы, нарушители закона могут обеспечить себе неприкосновенность со стороны правосудия за деньги, и тогда уже нельзя говорить о сильном правительстве, борющемся с преступностью.

Имеется еще один источник законопослушного поведения и честности правительственной власти, который, как нам кажется, не привлекал к себе достаточного внимания. Этот источник законопослушного поведения и неподкупности чиновничества напроць отсутствовал при коммунизме. Чтобы понять, что это, надо обратиться к

* См., например, [7-13], а также ряд работ в следующих сборниках статей, содержащих примеры и оценки, подвергающие "испытанию на прочность" мою книгу "Rise and Decline of Nations", "The Political Economy of Growth" / Ed. D.C. Mueller. New Haven: Yale U.P., 1983; International Studies Quarterly. 1983. V. 27; Scandinavian Political Studies. 1986. V. 9.

опыту стран с рыночной экономикой, здоровой экономической политикой и работоспособными государственными институтами.

Мотивы личной выгоды в поведении отдельных лиц и фирм, действующих в системе рыночной экономики, отличающейся здоровой экономической политикой и четко сформулированными правами собственности, представляют собой главную силу, заранее противодействующую преступности и способствующую развитию законопослушного поведения и проведению законов в жизнь. Вспомним хотя бы действия, предотвращающие воровство и направленные на защиту прав собственности (воровство, разумеется, определяется как лишение владельцев определенного имущества, принадлежащего им по праву собственности). Мотив личной выгоды у владельцев товаров побуждает их принимать меры по самозащите от воровства. В обществе с частной собственностью наличие мотивов личной выгоды у отдельных лиц и фирм заставляет их ставить замки на двери, прятать ценности, нанимать охрану и быть все время начеку.

Этот мотив у отдельных лиц и фирм, действующих в частном секторе, также нередко помогает полиции, судам и правительственной власти в целом в задержании и осуждении вора. Когда жертвой воровства становится какое-либо семейство или фирма, они обычно оказывают полиции содействие в задержании вора. Иногда фирмы и частные лица даже предлагают вознаграждение за информацию, могущую привести к поимке преступников, жертвами которых они стали.

Не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать мотивы личной выгоды у воров. У вора имеется желание попытаться избежать задержания полицией и судебных преследований, зачастую присутствует побудительный мотив подкупить полицейских или судей, чтобы те отпустили его, не подвергая наказанию. Таким образом, мотивы личной выгоды у преступников всегда направлены на подрыв закона.

Тем не менее в стране с рыночной системой, обладающей жизнеспособными государственными институтами и проводящей здоровую экономическую политику, всегда есть и другая сторона — жертвы и потенциальные жертвы преступности, которые не только используют замки и охрану, а также всегда пребывают начеку и демонстрируют все разновидности защитного поведения, оберегающего их от воров, но и требуют от полиции вернуть им украденную собственность. Эти люди, как правило, охотно помогают суду, выступая со свидетельскими показаниями на процессах, где на скамье подсудимых сидят их обидчики.

Самоочевидная тема воровства и собственности — лишь вершина громадного айсберга. Рассмотрим для примера меры по обеспечению законопорядка. Предположим, что кто-то взял деньги в долг и решил их не возвращать. Должник, разумеется, не имеет никаких побудительных мотивов способствовать обеспечению возврата долга, т.е. содействовать соблюдению закона, гарантирующего подписанное двумя сторонами соглашение. Побудительные же мотивы займодавца, бесспорно, прямо противоположны. Он попытается заставить должника вернуть деньги, угрожая погубить его репутацию, заблокировать дальнейшие кредиты, а при необходимости обращаясь в суд с требованием наложить арест на активы должника. В случае кражи жертвы и потенциальные жертвы воровства требуют от властей обеспечить соблюдение закона и тем самым сводят на нет усилия правонарушителей.

Так как займодавцы, решая, кому давать в долг, а кому нет, делают свой выбор, останавливаясь на тех, кто, по их мнению, с наибольшей вероятностью, вернет долг, процент возвращаемых долгов оказывается куда более высоким, чем когда это правило не соблюдается. Таким образом, возвращение долга становится явлением более распространенным и воспитывается привычка уважать частное право, гарантирующее соблюдение взаимно оговоренного соглашения.

Подобные масштабы претворения в жизнь законов и законопослушного поведения возможны, благодаря мотивам личной выгоды у фирм и частных лиц, которые делают все ради того, чтобы не стать жертвами преступлений и помогать государственным правоохранительным органам. В обществах с рыночной экономикой и здоровой

экономической политикой, а также жизнедеятельными государственными институтами частные фирмы и отдельные граждане отдают гораздо больше сил профилактики правонарушений и помощи правоохранительным органам, чем для нарушения закона.

Что можно сказать о разнице в богатстве и влиятельности отдельных людей и фирм в частном секторе? Обычно в условиях успешно функционирующей рыночной экономики само неравенство в степени богатства и положения в обществе способствует поддержанию закона и порядка. Когда на повестку дня встают воровство и принуждение к заключению контрактов, интересы более богатых слоев населения и влиятельных особ обычно оказываются на стороне закона. Если среднестатистический взломщик не располагает таким же богатством, положением в обществе или политическим влиянием, как его жертва, то это означает, что совокупная мощь частного сектора находится на стороне закона. Если работодатели в среднем влиятельнее должников, то возвращение долга эффективнее обеспечивается властями. Это не только способствует обеспечению выполнения условий контрактов, но также помогает тем, кто может получить выгоду, взяв деньги в долг, создавая условия для предоставления займов на разумных основаниях. По моему мнению, совокупная сила частных лиц и фирм, направленная на поддержку многих законов, — это очень важный фактор.

Теперь посмотрим, что происходит в странах, где не проводится здравая экономическая политика и нет жизнедеятельных государственных институтов. Предположим, что правительство фиксирует цены и устанавливает их ниже уровня, обеспечивающего равновесие спроса и предложения. В этом случае спрос на товар будет превышать то его количество, которое поставщики согласятся отпустить по данной цене. Тогда обе стороны — покупатель и продавец — вступают в отношения *взаимовыгодной* торговли, а товар пойдет по цене, выше фиксированной, но ниже обеспечивающей равенство спроса и предложения. В подобной ситуации *обе стороны* выигрывают, нарушая закон, при этом все участники частного сектора действуют, как правило, в обход закона. То же самое произойдет, если правительство остановит цену на уровне, превышающем равенство спроса и предложения.

Предположим, что правительство планирует производство определенного товара, но его объем меньше того, который был бы выпущен вне плана. Тогда появятся покупатели, не получившие нужного им количества товара, а также ряд потенциальных продавцов, наживающихся на снабжении таких покупателей товарами по более высоким ценам, которые последние готовы заплатить. Обе стороны выиграют от нарушения закона, и, если нужно, они подкупят чиновников, которые должны были бы обеспечивать претворение этого закона в жизнь.

Теперь представим себе, что правительство распорядилось производить тот или иной товар в количестве, превышающем спрос на рынке, или же вынуждает выпускать тот товар, который в рыночной экономике вообще не стали бы производить. С этим связаны колоссальные затраты, которых производители могут избежать, не изготавливая данный товар или выпуская его в количестве, меньшем предписанного, поскольку (ведь производство этого товара априори неэффективно) покупатели никогда не выстроятся за ним в очередь.

Суть нашей позиции состоит в том, что любое законодательство или ограничение, вводящее "рынок наоборот", создаст практически у всех участников побудительные мотивы к нарушению закона и скорее всего приведет к росту преступности и коррупции в рядах правительственных чиновников.

Таким образом, одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям. Будучи пойманными на нарушении закона, как продавцы, так и покупатели, находящиеся по обе стороны рынка, имеют один и тот же побудительный мотив уговорить или подкупить полицейского либо государственного чиновника, чтобы тот не стал проводить закон

в жизнь. Не только *совокупный* побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и *все* побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений, вводящих "рынок наоборот", становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все, или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным.

Правительства стран "третьего мира" пытаются проводить гораздо большее число мероприятий в рамках политики "рынок наоборот", чем правительства государств с процветающей рыночной экономикой. Как следует из приведенных выше соображений, истинность которых доказана на практике, в первом случае правительства гораздо сильнее коррумпированы. Огромная "теневая экономика", типичная для стран "третьего мира", служит свидетельством не только политики "рынок наоборот", но и масштабов коррумпированности правительств стран "третьего мира", к которым привела такая политика.

Общезвестно, что коммунистические режимы оставляли частной собственности очень небольшое жизненное пространство. Это значит, что у населения коммунистических стран было слишком мало побудительных мотивов к предупреждению воровства и помощи правительству в деле задержания и судебного преследования расхитителей. Нормой для коммунистических стран оставались, разумеется, и действия в рамках политики "рынок наоборот". По свидетельству многих лиц, живших при коммунистическом режиме, в государствах советского типа иногда можно было наблюдать, как директор фабрики практически не мог выполнять своих обязанностей, т.е. план, не прибегая к заключению квазилегальных, а подчас и совершенно незаконных сделок для получения сырья и комплектующих. Вся система основанного на советской модели планирования была настолько "рыночной наоборот", что даже высшие чиновники, а может быть, и в первую очередь они были вынуждены нарушать закон и принятый план, для того чтобы выполнить распоряжения руководства и спущенные сверху задачи. Иными словами, тормозом на пути к осуществлению некоторых целей, навязанных режимом, оказывалась именно антирыночная практика — "рынок наоборот".

Теперь у нас имеется, но лишь *частичное* объяснение ужасающего уровня преступности и коррупции на Востоке. Как предстоит убедиться, нам свойственно серьезно *преуменьшать* ту степень деградации законопослушного поведения и разложения правительственного чиновничества, к которой привела политика, ориентированная на советскую модель. Мы преуменьшаем ее, когда просто констатируем, что общества, организованные по советской модели, ограничивали право частной собственности и рынок, доводя эти ограничения до беспрецедентных масштабов. Для того типа системы, основы которой заложил Сталин, характерна одна такая фундаментальная особенность, которая сильнее способствовала размаху нелегальной деятельности и коррумпированности чиновничества, чем все то, о чем говорилось выше.

Становится ясно, что эта дополнительная провоцирующая коррупцию особенность систем, построенных по советской модели, была, как это парадоксально ни звучит, побочным эффектом того же самого феномена, который обеспечил советизированным странам их временное могущество и внешний блеск. Тот же феномен, что превратил Советский Союз в сверхдержаву, в конце концов разложил это государство и стал одной из причин его упадка и окончательного распада.

Чтобы понять, что же позволило Сталину превратить свою вотчину в сверхдержаву, а также привело ее к разложению, упадку и крушению, мы должны вернуться к "криминальной" метафоре, с которой начали свой анализ, и в особенности к теории, рассматривающей автократа как оседлого бандита.

ТЕОРИЯ ВЛАСТИ И ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА РЕЖИМЫ СТАЛИНСКОГО ТИПА

Теория автократии, которая обсуждалась в начале статьи, высвечивает две причины, по которым советская империя на какое-то время оказалась способной бросать вызов Соединенным Штатам и их союзникам как в военной, так и в экономической области. Сталинский Советский Союз был автократическим государством, а поэтому:

- 1) он управлялся исходя из всеохватывающего интереса: чем выше было производство в советских владениях при равенстве прочих факторов, тем больше ресурсов можно было привлечь для выполнения задач, поставленных автократом, а следовательно, у Сталина имелся сильнейший стимул повышать производительность в своей империи;
- 2) Сталин, будучи автократом, выкачивал из общества максимально высокую прибыль с целью усиления своей политической власти, военной мощи и международного влияния.

Как бы ни были важны эти два фактора, они позволяют объяснить, почему же автократические режимы, созданные по советскому образцу, т.е. модель, которую позднее будут называть коммунистической или советской, получили именно ту организацию, которая у них сформировалась. До того как Сталин укрепил собственную власть в конце 1920-х годов, ни один автократ (даже Ленин) не организовывал свои владения так, как Сталин организовал Советский Союз. Почему Сталин навязывал Советскому Союзу (а позднее и странам-сателлитам) такую экономическую систему, где практически полностью доминировала государственная собственность, а значительная доля цен и норм оплаты труда фиксировалась режимом?

Распространенное объяснение, что выбор модели централизованной плановой экономики был обусловлен марксистско-ленинской идеологией, не выдерживает критики. Заявление, что действия автократов коренятся в их идеологии, это, скорее, просто слова, а не объяснение, если только в свою очередь мы не сможем объяснить, чем инспирируется сама идеология и почему автократ выбирает именно такую идеологию.

После того как Сталин захватил абсолютную власть, он стал проводить ту самую политику, против которой прежде возражал: полнейшее поглощение экономики государством и всеобщую коллективизацию сельского хозяйства. Сталин не был последовательным приверженцем *ни одной* идеологической платформы. В трудах Маркса также не содержится никаких требований относительно именно такой организации экономики, которую внедрил Сталин; внимание Маркса было сосредоточено на капитализме, и он почти ничего не говорил об организации социалистического или коммунистического общества. С течением времени, под влиянием сталинской практики и пропаганды марксистско-ленинскую идеологию стали идентифицировать с тем типом экономической и политической системы, которую Сталин навязал обществу, однако подобное позднейшее рационализирование не в состоянии объяснить, почему он сделал именно такой выбор, как только получил диктаторскую власть.

Имея в виду неадекватность трактовок специфической экономической системы, характерной для коммунистических автократий, нам следует расширить "автократическую модель" таким образом, чтобы с ее помощью получить возможность объяснить особенности вышеуказанной системы, а также понять суть тех проблем, которые общества переходного типа унаследовали от нее после ее крушения.

Что ограничивает масштабы ресурсов, которые автократ может выкачать из общества? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны понять разницу между теми автократами, которые прочно утвердились у власти и имеют возможность сохранить ее в течение длительного времени, и теми, кто этим преимуществом не обладает. Выше я утверждал, что вожак шайки бандитов-гастролеров, как только у него появятся условия, чтобы закрепиться на какой-либо территории и управлять ею как собственной вотчиной, получает побудительный мотив сделаться государем, "приносящим добро обществу". Когда автократ не уверен, что сохранит власть длительное время, или какие-либо иные соображения заставляют его не заглядывать далеко в будущее, его политика, по нашему мнению, должна повернуться на 180 градусов. Согласно определению, автократ — это носитель суверенной власти, позволяющей ему присваивать себе любую собственность. Если автократ не рассчитывает на длительное правление, у него независимо от того, сколь необъятна его империя и сколь высоко его происхождение, появляется стимул к захвату любой собственности, общая стоимость которой превышает величину взимаемых налогов за тот период, в течение которого он надеется остаться у власти. Другими словами, аналогично тому, как у бандита-гастролера, могущего захватить и прочно удержать какую-либо территорию, возникает побудительный мотив сделаться государем, так и у любого автократа, перспективы которого удержаться у власти сузились, появляется стимул стать фактически бандитом-гастролом.

Но за исключением особого случая, который мы сейчас рассмотрим, рационально мыслящий автократ, обладающий длительной перспективой остаться у власти, *не станет* конфисковывать собственность своих подданных, потому что это уменьшит объем инвестиций и будущих доходов, а следовательно, и налоговые поступления в его пользу в течение продолжительного периода времени. Как уже было показано выше, рационально мыслящий автократ предпочитает захвату введение системы налогообложения, увеличивающей до максимума объем поступлений. Может ли он придумать еще что-нибудь, чтобы получить еще больше? На первый взгляд, экспроприация средств производства вследствие того, что она сокращает будущие инвестиции и доходы, не позволит надолго повысить налоговые поступления в казну автократа. Однако существует способ, дающий возможность добиться этого, и Сталин был первым, кто его открыл.

КОНФИСКАЦИИ, КОТОРЫЕ УВЕЛИЧИВАЮТ НАКОПЛЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Сталин конфисковал все сельскохозяйственные угодья и природные ресурсы Советского Союза, всю собственность торговых и промышленных предприятий, находившихся в частном владении в период нэпа, а *уровень накоплений и инвестиций при этом существенно возрос*. Итак, Советский Союз после сталинских нововведений, а также другие общества, которым была навязана сталинская система, были далеко впереди большинства иных стран по уровню накоплений и инвестиций. Сталинское нововведение состояло в том, чтобы забрать в пользу режима практически все природные ресурсы и весь сколько-нибудь бывший в государстве заметный акционированный капитал посредством введения 100%-ного налога на богатство, т.е. экспроприировать, а затем использовать эти ресурсы для выпуска разнообразной продукции, причем производство средств производства пошло наиболее интенсивными темпами, равно как и выпуск других товаров, на которых настаивал Сталин, и которые не производились бы, не будь на то его воли. Самолично определяя, какое количество ресурсов должно использоваться для производства товаров народного потребления, и удерживая его уровень на значительно более низкой отметке, чем это было характерно для большинства стран с иной общественной системой, Сталин

способствовал возникновению в Советском Союзе необычайно высоких темпов накопления капитала, одновременно повышая ежегодные поступления налогов в казну на сумму, приблизительно равную всем нетрудовым доходам.

Во всей долгой истории оседлого бандитизма добиться таких результатов не удавалось, по-видимому, ни одному автократу, причем так, чтобы одновременно значительно повысить объем накоплений и инвестиций, а также объем производства*.

КАКИМ ОБРАЗОМ НАЛОГИ МОГУТ ПОВЫСИТЬ СТИМУЛ К ТРУДУ

Сталин и его советники, кроме того, внедрили еще одну новаторскую идею, предназначенную для увеличения объема ресурсов, который можно было бы использовать для достижения поставленных ими целей. Хотя основные ресурсы, обеспечивающие эти цели, Сталин получал, главным образом, забирая всю прибыль государственных предприятий, а не путем установления явных налогов на доходы физических лиц, мы должны признать, что такие налоги все же существовали, хотя и в завуалированной форме, и, следовательно, должны быть подвергнуты анализу.

Помимо этого необходимо также уяснить, что автократ, применяя *различные* шкалы налоговых ставок для групп лиц с разной производительностью труда, получает возможность значительно увеличивать налоговые поступления. Для типичной современной демократии характерно, что лица с высокими доходами уплачивают налоги по более высоким ставкам или категориям, чем с низкими, однако при этом для населения в целом установлено единое налоговое законодательство, или единая шкала налоговых ставок. Если все граждане подлежат налогообложению по единой шкале ставок, становится невозможным облагать *первые* часы рабочего дня более высоким налогом, чем последние, а также вводить очень высокие ставки налогов. Очевидно, что если для каждого из нас будет установлен слишком большой налог на первые четыре часа рабочего дня, более низкий налог на последующие два часа, а дальнейшее рабочее время будет вообще освобождено от налогообложения, у нас возникнут стимулы к значительному удлинению рабочего дня. Этот повышенный стимул к труду возникает в результате того, что при установлении достаточно высокого налога на первые часы рабочего дня мы становимся беднее, а "эффект дохода", создаваемый подобной системой налогообложения, заставляет нас работать больше. При этом, если последние часы *вообще освобождаются* от налога, соответственно увеличивается доля вознаграждения за прибавочный труд, остающаяся после вычитания налога, что повышает так называемый "эффект замещения" (термин, применяемый в западной экономической науке), который также заставляет нас работать больше, чем при обычных моделях налогообложения, характерных для стран Запада. При этом возрастают экономическая эффективность и национальный доход. Поэтому в определенном смысле можно заключить, что экономика демократических стран Запада стала бы более эффективной и высокопроизводительной, если бы появилась возможность установить для граждан этих стран более высокие налоги на первые часы рабочего дня и освободить от налогообложения последние.

Тем не менее это нереально в обществе, где действуют единые для всех законодательные нормы, когда все граждане должны подчиняться налоговому законодательству, т.е. действует единая система налоговых категорий для групп с различными уровнями дохода. Предположим, правительство США примет решение ввести ставку налога на первые 5 тыс. долл. годового дохода физического лица в размере 99%, на последующие 5 тыс. долл. — 98% и т.д., а при этом ставка налога на сумму годового дохода физического лица, превышающую, скажем, 1 млн. долл., составит 0%. Данный

* В течение весьма непродолжительного времени, сразу вслед за коллективизацией сельского хозяйства и других средств производства, экономика, вероятно, пребывала в состоянии "несварения желудка" и сумятицы, когда выпуск продукции мог существенно сократиться. Но на протяжении всего последующего периода сталинского правления объем тех видов продукции, на производстве которых настаивал Сталин, был всегда значительно выше, чем до того, как Советскому Союзу был навязан сталинский режим.

метод, прямо противоположный прогрессивной системе налогообложения и предусматривающий значительно более высокие ставки налога для лиц с минимальными доходами, чем для лиц с высокими доходами, создает ситуацию, когда доход лиц с наименьшей производительностью труда не будет обеспечивать им даже прожиточного минимума. Подобная политика налогообложения, направленная на повышение производительности и эффективности труда путем увеличения ставок налога на первые часы рабочего дня, или, в более широком смысле, повышения ставок налога на инфрамаржинальный доход физических лиц и освобождения от налогообложения маржинального дохода, не только аморальна, но и практически неосуществима в обществе, где действует единое для всех законодательство, где господствует право.

ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТИ – ТОМУ, КТО РУКОВОДИТ

Тем не менее существует определенный способ, позволяющий коварному автократу устанавливать намного более высокие ставки налога на инфрамаржинальный доход, чем на маржинальный, таким образом добиваясь значительного возрастания как сумм взимаемых налогов, так и ВВП. Вышло так, что Сталин самостоятельно придумал именно такой метод, который описан выше, или же позаимствовал его у какого-то безвестного автора. Сталин жаждал власти и был достаточно жесток, чтобы воплотить подобный метод в жизнь. Суть метода состоит в создании для всего общества такой системы ставок заработной платы для каждой профессии и уровня способностей, чтобы получить от каждого физического лица, задействованного в экономической системе, максимум дохода, необходимого для реализации целей автократа.

Во-первых, Сталин поручил своим подчиненным, поставленным управлять экономикой, установить *крайне низкие* ставки оплаты труда рабочих и служащих, чтобы люди практически не могли позволить себе досуг. Во-вторых, он разработал систему премий и специальных поощрений для стахановцев и образцовых работников. В-третьих, он ввел прогрессивные сдельные ставки оплаты труда, т.е. ставки, предусматривающие рост оплаты за единицу продукции по мере возрастания количества единиц, производимых конкретным лицом. Сталинская система оплаты труда, в соответствии с которой существовали специальные премии, прогрессивные сдельные ставки, поощрения стахановцев и разовые дополнительные выплаты прочим категориям работников с исключительно высокой производительностью труда, обеспечивала людям оплату значительной доли производимого ими маржинального продукта, однако при этом устанавливала крайне высокие реальные, но скрытые налоги на инфрамаржинальную долю труда.

Таким образом, сталинская система оплаты труда по сути неявно вводила для представителей разных профессий или лиц с различным уровнем способностей неодинаковые шкалы налоговых ставок. Благодаря этому появилась возможность устанавливать для более способных работников, обеспечивающих более высокий по сравнению с прожиточным минимумом прибавочный продукт, повышенные средние ставки налога*, при этом налог на первые часы рабочего дня был очень высок, а на последующие часы – незначителен. Таким образом, перефразируя известное выражение, действовал принцип "от каждого по способностям – тому, кто руководит".

Сталинскому режиму, несомненно, было известно, что выполнение обязанностей директора фабрики требует более высокого уровня личных способностей, чем труд неквалифицированного рабочего на той же фабрике, при этом, наверное, существовали примерные категории личных способностей и образовательного уровня,

* Я благодарен Джеймсу Бьюкенену, в самом начале работы над данной гипотезой указавшему мне на то, что сталинизм в основе своей представлял собой систему фиска и что коммунистическая система максимально высокого налогообложения не только стремилась увеличить соотношение уровней инфрамаржинальных и маржинальных налогов, но и взимать большие налоги именно с тех, кто работал более продуктивно.

соответствующие каждому типу профессии или должности. Чтобы создать стимул для более способных занимать соответствующие должности, Сталин установил для данных категорий работ общий уровень оплаты труда, включая премии и другие формы оплаты за маржинальный труд, выше общего уровня оплаты труда для менее квалифицированных категорий работников.

Заметим, что знакомая нам западная система прогрессивного налогообложения совершенно иная. Таким образом, в Советском Союзе, несмотря на критику в адрес западных демократических государств по поводу неравенства в уровнях личных доходов, характерного для этих государств, никогда серьезно не рассматривался вопрос о введении прогрессивного налогообложения личных доходов граждан, и это обстоятельство отнюдь не случайно. Например, в течение долгого времени максимальная ставка подоходного налога в СССР не превышала 13%.

Как было отмечено выше (эта мысль содержится также в опубликованной ранее фундаментальной работе Р. Мак-Киннона [14]), основным источником налоговых поступлений в бюджетах государств советского типа была прибыль промышленных предприятий (а также налог с оборота, который по сути являлся налогом на прибыль предприятий). Сталин не только забирал на содержание своего режима всю прибыль государственных предприятий, но и заставлял плановые органы устанавливать такие уровни инфрамаржинальных ставок оплаты труда и цен, чтобы прибыль в сфере производства значительно возросла и таким образом повысились заложенные в ней скрытые налоги.

Доля национального дохода СССР в сталинскую эпоху, предназначенная для личного потребления граждан, была ниже, чем в любом коммунистическом государстве, и данное обстоятельство прямо вытекает из излагаемой здесь теории. Сталину удавалось забирать на выполнение своих задач намного большую долю ВВП, чем любому правителю до него на всем протяжении исторического развития страны.

Суть созданной Сталиным новой системы взимания налогов наиболее четко проявляется в сфере сельского хозяйства. Колхозы создавались как "коллективные" предприятия в смысле "собирательном", но не "коллективистском". После выполнения огромного объема работ в колхозе его труженикам позволялось затрачивать неограниченное время на возделывание крошечных участков, отданных им в личное пользование. И, как и вытекает из излагаемой мною теории, доход, получаемый колхозниками от обработки личных участков, как правило, не подлежал налогообложению.

С точки зрения Сталина, система сбора продовольствия функционировала нормально. Царское правительство во время первой мировой войны оказалось неспособно обеспечить городскому населению достаточных количеств продовольствия, несмотря на нередко применявшиеся принудительные меры. Февральская революция началась как протест против нехватки хлеба. Во время второй мировой войны советский режим имел в своем распоряжении хорошо развитую систему снабжения. Несмотря на катастрофическое падение производства продовольствия на душу колхозного населения, доля общего производства мяса и зерна, забираемого правительством, возросла [15].

Хотя Сталин нередко рассматривался как верховный жрец марксистской религии, он не был, собственно говоря, идеологом как таковым. Тем не менее именно идеологией можно до некоторой степени объяснить ту поддержку, которой он пользовался, согласно нашей гипотезе. Сталин отнюдь не являлся слепым последователем учения, известного до него как марксизм, и даже не хранил верность этому учению. Если бы Сталин был убежденным идеологом, он не сделал бы многого из совершенного им, например не уничтожал бы людей, которые вместе с ним выступили как инициаторы большевистской революции, не стал бы избавляться посредством "чисток" от большевиков, которые осмеливались отстаивать свои марксистские принципы, не заключил бы пакт с нацистской Германией. В довершение всего, Сталин ничего не делал для того, чтобы ускорить отмирание государства, предсказанное Марксом, который считал это неизбежным. При этом он приложил много усилий для

укрепления мощи советской военной державы, а также для создания необходимой для этого промышленной и научной базы. Хотя основные черты сталинской системы не соответствуют ни критериям, содержащимся в работах Маркса, ни практическим принципам, разработанным Лениным в период новой экономической политики, в некоторой степени ориентированной на рыночную экономику, они тем не менее вполне отвечают гипотезе, которая предполагает, что Сталин в первую очередь стремился к власти, которую как раз и смогло обеспечить ему взимание с населения повышенных налогов.

ТЕСТ: СООТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И ДОХОДА

Если излагаемая здесь теория истинна, то степень военной или геополитической мощи и затрат на проекты, способствующие повышению статуса и престижа политического руководства, по отношению к уровню жизни населения должна быть выше, чем в других государствах, даже авторитарных. Простой поверхностный взгляд на имеющиеся исторические данные достаточно убедительно показывает, что именно так и было.

Царская Россия, бывшая самым большим государством мира, оказалась неспособной достаточно эффективно проявить себя в Крымской войне. Не удалось ей и одержать победу над Японией в 1904–1905 гг., хотя Япония в те времена представляла собой отсталое островное государство. Другим подобным примером является чанкай-шистский Китай, не обладавший никакой военной силой, несмотря на самое многочисленное в мире население. Можно сравнить царскую Россию периода первой мировой войны с Советским Союзом эпохи сталинизма. В первой мировой войне гигантская империя российских царей была побеждена по сути одной Германией*, хотя с самого начала войны значительные силы германской армии были заняты на втором фронте против Франции и Великобритании, а в военных действиях против России участвовала, как правило, лишь небольшая часть германских вооруженных сил. Наоборот, во второй мировой войне сталинский СССР одержал победу над нацистской Германией, несмотря на то, что Германия направляла основную массу своих боеспособных войск на восточный фронт; "второй фронт" отсутствовал вплоть до высадки союзников в Нормандии в июне 1944 г. Производство боеприпасов для наземных систем вооружения и авиации в Германии в период второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время первой мировой войны, тогда как объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в течение первой мировой войны**.

Как бы мы ни интерпретировали судьбу двух различных российских автократий, существовавших во времена первой и второй мировых войн, несомненно, что после второй Советский Союз получил безусловный статус сверхдержавы, которого так и не смогла достигнуть царская автократия, и что царизму никогда не удавалось подняться до высот, резко поднявших престиж страны, например осуществить полеты в космос, впервые предпринятые Советским Союзом. Когда системы, подобные сталинизму, были созданы в Китае, Вьетнаме и Северной Корее, коммунистические автократии в этих странах приобрели военную и политическую мощь, несравнимую с мощностью никаких других авторитарных режимов в странах третьего мира.

* Армия Австро-Венгерской империи тоже использовалась против царской России, но об этой армии часто говорили, что она слабее вооруженных сил любой другой державы, принимавшей участие в первой мировой войне, и не сыграла видной роли в нанесении поражения России.

** Гэттрелл и Хэррисон указывают, что "в первой мировой войне... только неудача, постигшая Германию в ее усилиях развязать себе руки на Западном фронте, предотвратила ее скорую победу над Россией, к которой стремилась Германия. Но даже и в этом случае малой части германской военной мощи хватило на то, чтобы в конце концов обеспечить поражение и распад России. Во второй мировой войне... масштабы советской мобилизации в сочетании с подавляющим экономическим превосходством союзников оказались достаточными, чтобы полностью уничтожить Германию в качестве военной силы... СССР внес вклад... который был непропорционально велик по сравнению с масштабами и уровнем развития советской экономики" [15, с. 438].

Отдав должное "бесам" сталинизма, мы не должны забывать тот хорошо известный факт, что советская система даже в период своего расцвета была неэффективной. Ей удалось мобилизовать фантастические по объему ресурсы, однако при этом многое было потрачено впустую. Конфискации, осуществленные Сталиным, привели к уничтожению многих рынков, необходимых для того, чтобы экономика функционировала эффективно. Чтобы забрать все средства, которые в рыночной экономике представляли бы собой процентный доход, ренту и прибыль, Сталину пришлось упразднить частный капитал и рынки аренды земли и прочих природных ресурсов, а также рынок средств производства. Кроме того, он ликвидировал частные фирмы и общество лишилось выгоды от тех нововведений, которые постоянно внедрялись бы частными предпринимателями. Путем административного регулирования уровней заработной платы и дифференцированных тарифов с целью получения колоссальных скрытых налогов на трудовой доход Сталин деформировал также и рынки труда, хотя в значительно меньшей степени, чем можно было ожидать, потому что при этом налогообложению подлежал в основном инфрамаржинальный заработок. В результате деформации рынков и упразднения многих их компонентов, необходимых для сталинских конфискаций и введения скрытых налогов, "совокупная производительность факторов производства" (выпуск в соотношении с затратами) в обществах советского типа была ниже и повышалась медленнее, чем в странах с рыночной экономикой, находившихся на аналогичном уровне развития.

В первые годы существования общества советского типа смогли добиться быстрого экономического роста, несмотря на медленное возрастание совокупной производительности факторов производства, благодаря исключительно высоким темпам инвестиций. Эти необычно высокие темпы накоплений и инвестиций были, как я уже объяснял, результатом небывало высокой доли национального продукта, которую правительствам удавалось выделить для инвестиций, что и сделало эти страны серьезными и постоянно растущими конкурентами, участвующими в борьбе за международное влияние и власть. Примерно в течение двух первых десятилетий после второй мировой войны обществам, выросшим в результате сталинских нововведений и завоеваний, удавалось компенсировать экономическую неэффективность системы за счет небывалых темпов накоплений и инвестиций.

Мы уже знаем, что со временем в обществах советского типа начался застой. Несмотря на постоянно высокие уровни накоплений и инвестиций, по истечению некоторого периода они уже не могли сохранять даже умеренные темпы роста производительности*, хотя им было еще очень далеко до уровня западных стран [17]. Причина в том, что СССР и другие страны, которым была навязана сталинская модель экономики, страдали описанным выше "склерозом" (случай, когда мы анализируем особенности рыночной демократии и "британскую болезнь" замедленного роста). Однако по причинам, которые вскоре станут очевидны, "красный склероз" представлял собой значительно более тяжелую форму заболевания по сравнению с той, которая поразила рыночные демократии Запада. С течением времени в Советском Союзе и (в меньшей степени) в обществах, которые стали коммунистическими только после второй мировой войны, появились тяжелые склеротические изменения. Наконец склероз достиг конечной стадии и коммунизм погиб.

Каким же образом система, так хорошо служившая Сталину, сделавшая его (это мнение, впрочем, не бесспорно) человеком, облеченным самой большой властью на Земле, оказалась подвержена столь тяжелому склерозу, что в отдаленной перспективе не смогла прочно сохранить жизнеспособность? Об этом Сталин лично мог и не беспокоиться. В отдаленной перспективе Сталина уже не было в живых.

Однако этот вопрос имеет огромное, решающее значение для бывших коммунистических обществ, которые ныне переживают период трансформации. Как мы увидим

* См. [16].

в дальнейшем, резкое падение уровня доходов, характерное для большинства стран данной группы, и непрекращающиеся трудности являются главным образом следствием поражения основных структур склеротическим заболеванием, которое остается фактором, препятствующим развитию. Поэтому, чтобы найти средство лечения обществ, находящихся в стадии трансформации, необходимо понять суть "красного склероза".

КАК МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ СКЛЕРОЗ БЕЗ СВОБОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ?

Очевидно, что в коммунистических странах отсутствовала свобода организации. Было бы абсурдно полагать, что лоббистские организации вроде тех, что покупают рекламное пространство в американских средствах массовой информации, или профсоюзы, которые до сих пор играют столь важную роль в экономике Великобритании, могут нести ответственность за склеротические изменения, развивающиеся в принадлежащих им структурах. "Красный склероз" резко отличается от того "склероза", который характерен для обществ, где возможна свобода организации, и не только потому, что "красный склероз" достиг конечной стадии. Помимо прочего он имел куда более скрытую и размытую форму, чем в таких обществах.

Ключевым фактором постепенного упадка сталинской системы при преемниках Сталина была зависимость от решений низших звеньев бюрократии. Хотя роль рынков в обществах советского типа была куда значительнее, чем это нередко предполагалось*, сталинская система скрытого взимания налогов явно и неизбежно ограничивала рынок в большей степени по сравнению с любым другим типом общества. Для того чтобы после конфискации основных производственных фондов сохранять и повышать уровни инвестиций, режимам советского типа приходилось контролировать решения, касающиеся потребления и накопления. После захвата всех материальных активов и природных ресурсов в данном обществе стало невозможным существование частных фирм. Если инфрамаржинальный уровень оплаты труда устанавливается значительно ниже характерного для свободного рынка, необходимо устранить естественное влияние рынка на этот уровень. Таким образом, тип системы, созданной Сталиным, требует решения гигантского количества разнообразных вопросов посредством командно-контрольной системы, а для этого надо опираться на громадную армию номенклатуры и низовых управленцев.

Каким же образом руководители экономики советского типа, если учесть, что им приходилось принимать бюрократическим путем миллионы решений, которые в обществах иного типа в основном регулируются рынком, могли обеспечивать хотя бы в малой степени рациональное распределение ресурсов? Тот факт, что подобная система нечувствительна к нуждам потребителей, а также обладает рядом серьезных недостатков, связанных с ее неэффективностью, настолько хорошо известен, что более не подлежит обсуждению. Однако как могла такая система работать достаточно хорошо, чтобы обеспечивать создание и функционирование сверхдержавы? Я уже объяснял, каким образом одержимость советского диктатора в достижении своей цели служила тем стимулом, который заставлял его максимально увеличивать производительность труда на подчиненных ему территориях ради повышения налогов. Осталось объяснить, каким образом удавалось автократу получать от подчиненных бюрократов информацию и планы и добиваться проведения в жизнь решений, которые были необходимы для обеспечения хотя бы наполовину четкого распределения ресурсов. Таким образом, перед нами встает крайне сложная интеллектуальная задача: объяснить, как такая система вообще могла функционировать.

* Так как никакая бюрократия не может принимать решения по всем бесчисленным товарам и услугам, производимым широкомасштабной экономикой, огромное количество решений фактически отдавалось на усмотрение государственных предприятий, которые принимали их в ходе переговоров друг с другом, после чего заключались соответствующие контракты, а также на усмотрение рынка: легального, неформального и "черного".

Разумеется, экономисты, исследователи сферы производства и функционирования экономики и системные аналитики давно уже поняли на теоретическом уровне, какие условия требуются для абсолютно эффективной работы плановой экономики. Вождю коммунистического общества пришлось бы поручать директорам предприятий и прочим подчиненным управленцам оценивать возможности каждого отдельного предприятия с точки зрения затрат – выпуска или производственных функций, а также наиподробнее излагать задачи, поставленные лидером, или целевую функцию. В принципе, на основании этих данных экономисты-планировщики могли бы предоставить вождю расчет оптимального распределения ресурсов. После этого вождь поручил бы своим управленцам проводить подобный порядок распределения в жизнь. Поскольку экономические условия и технология производства непрерывно меняются, для получения оптимальных результатов необходимо непрерывное повторение всего описанного процесса.

Как давно известно, бюрократия не в состоянии ни получить, ни обработать весь объем информации, требующейся для расчета оптимального распределения ресурсов или практического осуществления такого распределения. Конечно, коммунистическим государствам для того, чтобы вести соревнование с самыми несовершенными конкурентами, вовсе не нужны были оптимальные результаты: достаточно было обеспечивать лишь некоторый допустимый уровень эффективности.

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ЧЕТКОГО ПЛАНА

Чтобы экономическая система советского типа достигала приемлемого уровня эффективности (собственно говоря, чтобы эта система вообще могла работать), бюрократия должна обеспечивать централизованный сбор и использование гигантского количества информации. Реальные экономические условия очевидны только на передней линии производственного процесса, и только здесь возможно регулирование деятельности большинства работников. Эта информация должна пройти все уровни бюрократической структуры снизу вверх, до самой вершины. Приказы, принимаемые после рассмотрения этой информации, также должны пройти все уровни управленцев в обратном направлении – сверху вниз. При этом, как и в любой крупной бюрократической структуре, неизбежны значительные потери и искажения информации даже при условии максимальной добросовестности всех заинтересованных лиц.

Однако существуют весьма серьезные причины, по которым, как правило, невозможно обеспечить максимальную добросовестность всех заинтересованных лиц. Так, шансы управленца на повышение или возможность получения премии уменьшаются, если вышестоящий руководитель узнает о совершенных им ошибках. Таким образом, у подчиненных возникает стимул скрывать любые недостатки своей работы от вышестоящих лиц в той степени, в какой эти недостатки можно скрыть. Кроме того, становится выгодно преувеличивать трудности и недооценивать производственный потенциал. Чем больше задумываешься об этих проблемах, тем очевиднее существование некоего компенсирующего фактора, без которого вообще невозможно было бы функционирование централизованной плановой экономики.

КОНКУРЕНЦИЯ СРЕДИ БЮРОКРАТОВ

Таким компенсирующим фактором является конкуренция среди бюрократов. Мощный стимул к увеличению производства, владеющий лидером общества советского типа, порой может выразиться в допустимом реальном уровне производства, благодаря ограничению возможностей для искажения информации и халатного отношения к делу – ведь условия каждого бюрократа или управленца можно ограничить и проконтролировать с помощью других бюрократов. Предположим, директор занижает объем продукции, которая может быть произведена при том количестве ресурсов, которое ему отпущено, или его предприятие производит объем продукции,

который значительно меньше реально возможного. При этом директора других предприятий, обладающие такими же полномочиями и таким же объемом ресурсов, получают возможность произвести хорошее впечатление, обещая или реально выпуская больший объем продукции.

Кроме того, самый высокий начальник может проверить правильность получаемой информации у подчиненных своих непосредственных подчиненных, а если при этом внутри данной бюрократической структуры существует неофициальная конкуренция, у низшего звена управленцев появляется стимул корректировать любую ошибочную информацию, представляемую высшему начальству их непосредственными руководителями, в надежде на повышение или другие формы вознаграждения. Таким образом, при наличии конкуренции бюрократов, охватывающей все звенья административной системы, каждому из управленцев соответственно приходится быть весьма осторожным при занижении потенциальной производительности отпускаемых ему ресурсов или при заведомом уменьшении реального объема выпускаемой продукции, для которой ему отпущены определенные ресурсы. Поэтому мудрый руководитель получает возможность использовать конкуренцию среди своих подчиненных для обеспечения более детальной информации и более точной оценки производственного потенциала с целью повышения производительности до такого уровня, который иначе был бы недостижим. Кроме того, при наличии максимальной конкуренции подчиненных управленцев лидер может распределить ресурсы так, чтобы большее количество получали те, кто представляет наиболее правдоподобные заявки с указанием планируемого объема продукции. Таким образом, возникает "аукцион ресурсов", предоставляемых тем управленцам, которые предлагают наиболее высокую "надбавку", или соотношение "затраты — выпуск".

ТАЙНОЕ СОГЛАШЕНИЕ БЮРОКРАТОВ

При рассмотрении изложенных аргументов мы исходили из того, что конкуренция между бюрократами, объем достоверной информации или власть центра никак не ограничиваются возможными тайными соглашениями управленцев низшего звена. Подобное предположение вполне реально, если мы возьмем ранний этап экономики советского типа (или период после "чистки" или "культурной революции", вроде тех, что устраивал Мао, или других глобальных социальных потрясений). Однако, как уже отмечалось, в условиях стабильности с течением времени усиливается влияние тайных соглашений и прочих типов объединения усилий. Данный фактор снижает элемент конкуренции среди низовых бюрократов, которая обеспечивает диктатору единственно достоверный источник информации о том, что реально происходит на фабриках, в колхозах и прочих типах предприятий. Кроме того, это означает, что диктатор теряет возможность передавать производственные ресурсы, подобно товарам на аукционе, тем управленцам, которые обещают обеспечить наиболее высокий объем производства, потому что управленцы договариваются о преуменьшении реального объема производства с тем, чтобы затем самостоятельно контролировать остающиеся у них излишки ресурсов. Таким образом, любая форма соглашения или независимых объединенных действий со стороны низовых управленцев снижает конкуренцию, которая является единственным фактором, позволяющим экономике советского типа обеспечивать хотя бы скромный уровень производительности.

У подчиненных управленцев возникает стимул заключать тайные соглашения в ущерб центру при условии, что такое соглашение сохраняется в тайне и наказания не следует. Если, например, директора всех предприятий определенной отрасли представляют заведомо заниженные данные об объеме продукции, возможным при получении некоторого количества производственных ресурсов, у каждого из них остается определенный излишек ресурсов в личном распоряжении. Такой же излишек возникает, если все они одновременно занижают плановые показатели производства в случае, когда вышестоящий руководитель отпускает ресурсы тем производителям, которые обещают выдать наиболее высокий объем продукции. Или, если рабочие

сговариваются создавать лишь видимость работы, они тем самым экономят силы, которые в случае сохранения между ними конкуренции могли бы быть использованы бригадиром для повышения производительности. Подобный сговор нередко очень удобен, поскольку подчиненные являются для руководителя основным источником информации о реальных возможностях производства.

Тайное соглашение чаще всего начинается на уровне номенклатуры. Как правило, в каждой отрасли промышленности или местности существует лишь небольшое число директоров предприятий. Ввиду малочисленности директоров внутри одной отрасли для достижения соглашения им нужно куда меньше времени, чем потребовалось бы для координирования действия ради удовлетворения общих интересов большой группы управленцев. Ограничения, налагаемые на возможность создания независимой организации в коммунистическом обществе, особенно такой, которая ослабляет контроль лидера, требуют недемонстративного, неформального, секретного соглашения, а необходимость действовать скрытно обуславливает куда более медленное развитие коллективных действий, чем это было бы при иных условиях. Однако, как правило, небольшие группы чаще всего бывают объединены тайными соглашениями; такие соглашения вполне реальны и для более многочисленных групп при условии, что члены этих групп достаточно доверяют друг другу.

Таким образом, чем дольше существует общество советского типа, тем больше появляется возможностей для различных групп, особенно для малочисленных групп высших управленцев и директоров предприятий внутри отдельных отраслей, создавать тайные неформальные организационные структуры. По истечении некоторого времени возникают определенные формирования и среди низовых управленцев. Затем подобные тайные соглашения появляются и на уровне мастеров и бригадиров на заводах, шахтах, в колхозах и предприятиях розничной торговли. Наконец, наступает этап, когда отдельные крупные государственные предприятия, отрасли промышленности и государственные структуры превращаются в организованные коалиции, способные скрыто и осторожно сотрудничать в общих интересах в ущерб диктатуре центра. В конце концов предприятия начинают напоминать скорее некие лоббистские организации или объединения по интересам, чем обычные производственные предприятия. Даже некоторые республики, где коллективное взаимодействие облегчается благодаря общим языковым и национально-этническим особенностям, могут выступать как конспиративные объединения, действующие в противовес центру.

Описанное нарастание скрытых коллективных взаимодействий не оказывало бы столь разрушительного влияния на производительность экономики в обществах советского типа, если бы у каждого отдельного союза, предприятия и отрасли, объединенных внутренними интересами, были достаточно сильные стимулы для сохранения нормального функционирования общества. Но хотя у диктатора или политбюро, представляющих собой центр, имеется всеохватывающий интерес, обуславливающий стремление сохранить высокую производительность экономики, у отдельных объединений и организаций, руководствующихся местными интересами, подобный стимул отсутствует. У этих объединений и организаций цели такие же ограниченные, как и у мелких организаций узкой направленности, действующих в условиях рыночной демократии, и почти такие же порочные, как и у преступника, действующего в одиночку.

ПРОТИВ ГЛАВНОГО БАНДИТА ПОДДАННЫЕ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ В БАНДЫ

Выше мы обсуждали механизмы, с помощью которых политика, направленная против рынка, подрывает основы законопослушного поведения и создает условия для коррумпирования административных структур. Причина здесь в том, что подобная политика ведет к возникновению ситуаций, когда все участвующие стороны заинтересованы в нарушении законодательных норм, сокрытии этих нарушений от властей и коррумпировании лиц, занимающих ответственные официальные посты. Мы знаем,

что не бывало высокие ставки скрытых налогов в системах советского типа обуславливают крайнее сокращение свободного рынка, а это в свою очередь создает условия для коррумпирования коммунистической системы. Однако подобная антирыночная направленность советской системы далеко не полностью отражает тенденции внутри коммунистического общества, создающие почву для коррупции. Чтобы лучше понять данное явление, нам следует вернуться к метафоре об оседлом бандите.

Ничего удивительного не будет в том, что подданные оседлого бандита однажды сочтут для себя вполне моральным утаить доходы, которые оседлый бандит хочет обложить налогом, или забрать часть доходов, которые он у них уже забрал. Следовательно, эксплуататорские автократические режимы могут не столь уж много выиграть от известной аксиомы, что люди не должны утаивать свои доходы от налогообложения и тем более не должны расхищать общественную собственность, — аксиомы, усвоенной широчайшими массами, живущими в условиях стабильной демократии. Вероятно, режимы, построенные по советской модели, понесли известный убыток вследствие того, что подданные стали осознать, что их эксплуатируют, однако нам не следует преувеличивать значимость этого фактора. Население стран, где существует подобная общественная система, с детства подвергалось воздействию со стороны школы и государственной пропагандистской машины с целью заставить его верить режиму и следовать нормам, установленным этим режимом. Естественно, средства массовой информации в таком обществе не говорили ничего, хотя бы отдаленно напоминающего те бесчисленные жалобы на тяжесть налогообложения и расточительность правительства, которые столь обычны в демократических странах.

Наиболее отличительная черта, способствующая появлению коррупции в системах, построенных по советской модели, четко проступает при сравнении присущей ей системы косвенного налогообложения с традиционными для автократии разновидностями налогового грабежа. Автократ, который оставляет средства производства и сам процесс производства в руках подданных, вынужден бороться с уклонением от уплаты налогов, однако при этом значительная часть деятельности по поддержанию в стране порядка осуществляется самими подданными автократа. Каждый подданный старается обезопасить свою собственность, а это позволяет традиционному автократу сдерживать воровство среди своих сограждан в определенных пределах, а также ограничивать взяточничество чиновников.

Если же, напротив, автократ настаивает на том, чтобы получить все 100% ренты, прибыли и дохода со всех природных ресурсов и сколько-нибудь существенных капиталов, имеющих в его владениях, а также фиксирует заработную плату рабочих, чтобы максимально увеличить косвенный налог на трудовые доходы, то частная собственность и частное производство почти полностью исчезают. *Практически полностью отсутствует и собственность, которую подданные стали бы охранять, исходя из интересов собственной выгоды.* Как основной капитал, так и оборотные фонды любого сколько-нибудь крупного предприятия принадлежат автократу, и он является единственным лицом, автоматически имеющим побудительные мотивы охранять свою собственность. Чтобы максимально увеличить косвенные налоговые поступления, почти все производство должно находиться под контролем автократа и его подчиненных, следовательно, директор каждого из предприятий будет отчасти и сборщиком налогов.

В итоге у автократа оказывается больше собственности и соответственно хлопот по сбору налогов, чем может проконтролировать один человек, кем бы он ни был. Следовательно, должны появиться контролеры и те, кто этих контролеров будет контролировать. Если те, кто успешнее других осуществляют контроль и собирают больше дани для центра, будут вознаграждаться, а те, кто допускают потерю собственности и собирают меньше дани, чем другие, наказываться, то конкуренция между контролерами и сборщиками дани приведет к тому, что под контролем окажутся все и все сборы будут передаваться от инстанции к инстанции: контролеры и сборщики начнут контролировать друг друга и собирать дань тоже друг с друга. Хотя

все они выиграют в случае, если свергнут власть оседлого бандита и оставят себе собранную для него дань, его свержение будет означать коллективное благо для миллионов, но именно поэтому ни у одного отдельно взятого человека не будет побудительных мотивов разделить с другими затраты на свержение бандита. При этом внутри маленьких групп подданные автократа, когда у них, наконец, выработается достаточное доверие друг к другу, смогут спокойно заниматься заговорщицкой деятельностью во имя общих интересов. Кроме того, их общий интерес состоит в том, чтобы лишить "красного бандита" части его добычи. Когда любое отклонение в выпуске продукции, любое хищение государственной собственности или нарушение правил сознательной трудовой дисциплины контролируется лишь членами заговорщицкой группы, центр не заметит ничего. Все, что автократ не может увидеть собственными глазами, он узнает только из доклада подчиненных. Каждому из участников небольшой группы достается значительная доля выручки, полученной в результате содействия любой тайной операции. Поэтому со временем все большее число более или менее малых групп приходит к явному или тайному соглашению меньше трудиться, выделять большее количество контролируемых ими ресурсов на удовлетворение собственных потребностей и делить между собой все большую часть государственной собственности, с которой они работают.

Существуют, однако, пределы того, что может присвоить себе любая малая группа незаметно для посторонних. Если директора предприятий воруют слишком много, это заметят их подчиненные. Если в Отделе А воруют слишком много, люди из Отдела Б окажутся в состоянии сообщить о происходящем "куда следует". Итак, если времени для этого у них будет достаточно, директор и его подчиненные, или Отдел А и Отдел Б, создадут между собой такую атмосферу взаимодоверия, когда секретов друг от друга больше не будет, и придут к согласию, чтобы оставлять себе больше производимых ими самими товаров и контролируемой ими собственности. Итак, от группы к группе и от отдела к отделу данное явление распространяется повсеместно и начинает казаться естественным и правильным. В конце концов внутри предприятия, отрасли промышленности, населенного пункта и даже целой этнической группы заключается конфиденциальное, а порой и явное соглашение, согласно которому члены группы могут — и должны — оставлять себе побольше благ мирских. Таким образом, с течением времени все большая и большая доля награбленного главным бандитом начинает востребоваться у него обратно.

В распоряжении центра имеются люди, контролирующие контролеров: высшие чиновники, партийные кадры, полиция, тайная полиция и прочие "сторожевые псы", чья обязанность — следить, чтобы ни малейшая часть собственности автократа не была украдена, а каждое предприятие, отрасль промышленности, населенный пункт и этнолингвистическая группа переводили в центр большие суммы скрытых налогов. Но если никто, кроме центра, не владеет собственностью, и если никто, кроме центра, не имеет законных прав на скрытое налогообложение, у всех, за исключением центра, возникает стимул побуждать чиновников-контролеров вступать в бесчисленные сговоры, призванные вернуть назад часть украденного оседлым бандитом. Если чиновникам, играющим роль "сторожевых псов", удастся убедить центр, что они прекрасно справляются с задачей охраны собственности и увеличивают поступление скрытых налогов в центр, их скорее всего вознаградят. Однако даже самая малая часть выручки от махинаций с производством или хищения государственной собственности, по всей вероятности, будет больше самого высокого жалования, которое будет назначено в связи с повышением в должности. Наиболее выгодное для чиновника при этом — получить повышение, а затем начать присваивать себе долю скрытых налогов и государственной собственности в возможно более широкой сфере экономики. Разумеется, центр не заинтересован в том, чтобы это произошло, но у него практически нет достоверных источников информации о происходящем за исключением подчиненных ему должностных лиц, каждое из которых заинтересовано в том, чтобы вступить в сговор с остальными и вернуть часть того, что украдено оседлым бандитом.

По иронии судьбы именно Марксу принадлежит крылатое выражение, точнее всего характеризующее ситуацию, подобную этой. В любой системе, построенной по сталинской модели, существует "внутреннее противоречие". В подобной системе автократ присваивает большую часть общего объема производства и распоряжается им в своих собственных целях, ему принадлежит практически все. Но это означает, что почти у всех, кроме него, имеется побудительный мотив стать участниками сговора, призванного вернуть часть того, что было украдено оседлым бандитом. Если каждый из подданных автократа ограничивается тем, что всего лишь соревнуется с другими за право заслужить вознаграждение от автократа, такая система вполне может функционировать. Но с течением времени, по мере того как все большее и большее число подданных и подчиненных вступают между собой в сговор, преследующий их собственные интересы, система не только теряет эффективность и налоговые поступления, но и делается средоточием воровства (вор ворует у вора) и коррупции, в результате чего центр в конце концов становится нищим. Когда по малейшему подозрению следует жесточайшая кара, бюрократическое соревнование, жизненно необходимое для функционирования системы, сохранится несколько дольше, так что сталинские "чистки" способны были заставлять систему работать лучше. В конечном же счете трудности, сопряженные с организацией подпольных коллективных действий, становятся преодолимыми на все большем числе предприятий и во все новых и новых отраслях промышленности, населенных пунктах, этнических или лингвистических группах. Таким образом, "закон движения" обществ советского типа предопределяет не только то, что они со временем разорятся, но и их нарастающую коррумпированность. В конце концов, как утверждают некоторые, становится "невозможно купить, но легко украсть". Все больше и больше жертв режима приходят к мысли, что тот, кто "не расхищает государственную собственность, обкрадывает собственную семью". Иными словами, кое-кто среди населения начинает интуитивно, инстинктивно понимать, что стал жертвой необычайно хищного и прожорливого бандита и потому обладает полным правом вернуть себе хоть что-то из отобранного.

В каком-то смысле, система становится со временем справедливее: добычу оседлого бандита начинают делить между собой все более широкие слои общества.

Система становится справедливее, однако работать не может. Оседлый бандит, присваивающий все, кроме минимума, необходимого для обеспечения трудоспособности своих пленников, *всеохватывающе* заинтересован в том, чтобы производительность общества была высокой, следовательно, он будет делать все необходимое для сохранения подобной производительности, которая в свою очередь обеспечит его собственные потребности. Напротив, придворные клики, промышленные лобби и ассоциации и местные сообщества получают столь малую часть от производимой обществом продукции, что каждая такая группа имеет лишь *узконаправленные* интересы, т.е. слабые побудительные мотивы (а иногда их нет вообще) для того, чтобы добиваться высокой производительности общества. Как только коммунистическая власть начала рассредоточиваться, коммунизм был обречен на крушение.

ЛЕКАРСТВА ОТ КОРРУПЦИИ

Согласно логике приведенных выше рассуждений, неудивителен тот факт, что режимы, построенные по советской модели, обычно требовали от государственных предприятий, чтобы те производили все свои расчеты через государственную банковскую систему, и, когда это было еще возможно, пытались не разрешать предприятиям использовать или накапливать наличность. Это способствовало выкачиванию денежных средств центром и делало более трудным для предприятий удержание собственной прибыли. Появление многочисленнейших частных фирм после крушения коммунизма означает рост числа предприятий, использующих во взаимных расчетах крупные суммы наличных денег. Эти частные фирмы становятся объектом вымогательства со стороны мафиозных банд, от чего, как правило, были защищены

государственные предприятия, не пользовавшиеся наличностью. Данный фактор, вероятно, сыграл свою роль в росте мафиозной преступности в целом ряде стран после крушения там коммунистического строя. Дезорганизация, наступившая в результате падения старого режима, тоже, по всей видимости, этому способствовала. Возникновение свободной прессы существенно улучшило освещение в печати проблем, связанных с преступностью.

Исходя из подобных соображений, многие пришли к выводу, что рыночная экономика, частная собственность и демократия способствуют росту коррупции и преступности. Появление демократии и рыночной экономики позволило снять "шоры", и преступность стала более заметной. Но это, возможно, создало и новые заманчивые мишени для преступников и коррумпированных чиновников.

Если логика моей работы верна, то основной причиной того разгула коррупции и преступности, на который жалуются многие граждане посткоммунистических обществ, является именно неизбежное вырождение системы выколачивания средств, созданной Сталиным. Развитие рыночной экономики в конце XIX в. в большинстве стран Запада сопровождалось одновременным формированием меритократической системы государственной службы с более высокими "стандартами честности" применительно к правительству, чем это было характерно для предыдущих столетий. Быстрый рост рыночной экономики в Западной Германии и Японии после поражения фашизма, по-видимому, также не способствовал росту преступности и коррупции.

Если мы рассмотрим механизмы, посредством которых соображения личной выгоды владельцев частной собственности заставляют их изыскивать средства для защиты своего имущества, то станет очевидно, что переход к системе частной собственности способствует ограничению воровства. Более того, если существует частная собственность, объективные тенденции заставляют частный сектор оказывать всевозможное содействие правительству и поощрять его усилия в борьбе против воровства. Наоборот, когда действуют антирыночные установки, то обеим сторонам, участвующим в сделках, выгодно обходить закон и кооперироваться для подкупа чиновников, которые несут ответственность за исполнение законов.

Таким образом, в самом диагнозе коррупции, установленном нами, уже содержатся недвусмысленные указания на то, какие именно лечебные меры следует немедленно принять, чтобы вылечить данную болезнь. Одно из указаний исходит из того, что некоторые законодательные правила, например ограничивающие экспорт или регулирующие цены на нефть и газ, поскольку они направлены против рыночных стимулов, способствуют коррупции. Подобные правила создают такую ситуацию, когда все стороны, участвующие в сделках, заинтересованы в нарушении закона и в случае необходимости могут поделить нелегальной прибылью с чиновниками, обязанными контролировать соблюдение закона. Чтобы снизить уровень преступности и коррупции, правительство страны не должно допускать никакого вмешательства в функционирование рынка за исключением принятия мер, которые одновременно отвечают двум условиям: 1) направленности против тех явлений, которые западная неоклассическая экономическая наука определяет как "рыночную недостаточность"; 2) если существующее правительство, даже учитывая его недостатки и неизбежное давление на него со стороны различных лобби, способно успешнее обеспечить социально эффективные и справедливые меры, чем существующий несовершенный рынок.

Еще один практический момент состоит в том, что чем скорее будут уничтожены последние следы системы поборов, изобретенной Сталиным, тем менее выраженными станут преступность и в особенности коррупция государственного аппарата.

Изложенный диагноз коррупции и связанных с нею проблем не означает тем не менее, что обществу следует всего лишь "дождаться, когда настанет капитализм". Ведь, собственно говоря, и невозможно будет ни установить действенный контроль над коррупцией и преступностью, ни реализовать экономический потенциал страны, если правительство не будет эффективно выполнять ту роль, которая непосильна

частному сектору. Есть, во всяком случае на Западе, энтузиасты рыночной экономики, которые полагают, что проблема состоит единственно в том, что правительство своими действиями мешает рынку, и что частная собственность может возникнуть естественно и самопроизвольно. Подобный подход, на мой взгляд, в основе своей ошибочен. Хотя отдельные лица могут владеть имуществом и без участия правительства, как собака костью, однако *без правительства частная собственность существовать не может*. Собственность — это охраняемое правительством притязание на имущество, т.е. совокупность прав, подлежащих исполнению по решению суда и защищенных законодательной властью правительства. Правительства стран, проходящих период трансформации, вынуждены выполнять гигантскую задачу, суть которой состоит в выработке и исполнении общих законодательных норм, определяющих право собственности, в обеспечении беспристрастного разрешения споров о владении собственностью в судебном порядке, и в резком сокращении той правовой сферы, в рамках которой полномочия чиновников исполнительных органов государственной власти позволяют последним вмешиваться в процессы оценки имущества и нарушать договорные права сторон. Усовершенствование прав на владение собственностью и договорных прав в посткоммунистических странах создаст не только гигантский стимул для развития экономики, но и такую ситуацию, когда у частных лиц, владеющих имуществом фирм, появится надежный и четкий интерес охранять это имущество. Это в свою очередь будет способствовать ограничению коррупции и преступности.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ

"Красный склероз", который способствовал разрастанию коррупции в коммунистических обществах, обусловил также рост этнолингвистического сепаратизма и рассредоточение власти по отдельным региональным и местным структурам. Если центр представляет собой систему поборов, то вполне естественно желание уйти от них. Чем более четко просматривались в отдельных группах такие факторы, как национально-этнические связи или общий язык, тем больше было у этой группы возможностей заключить тайное внутреннее соглашение против неподъемных скрытых налогов, взимаемых центром. Сотрудничество внутри групп облегчалось, благодаря общим национально-этническим обидам и взаимному доверию, а использование национального языка уменьшало риск того, что центр узнает о заключенном тайном соглашении. В этом и состоит одна из причин распада бывших коммунистических государств — Югославии, Чехословакии и СССР — и процессов рассредоточения власти и сепаратизма, наблюдаемых в различных регионах России, хотя после падения фашизма подобные явления практически отсутствовали.

Поскольку прошлое изменить невозможно, тенденции распада и дробления необходимо принять как данность, которую можно будет реально устранить лишь в будущем путем взаимовыгодного взаимодействия, а оно должно быть результатом свободного волеизъявления народов. Опыт создания различных таможенных союзов, таких как "Общий рынок" в Европе и "Североамериканская зона свободной торговли", позволяет заключить, что получение выгод отдельными регионами в результате снятия ряда торговых ограничений и притока внешних инвестиций возможно и без политической интеграции. Исключительно высокий уровень процветания таких федеральных государственных образований, как Германия, США и в особенности многоязычная Швейцария, служит свидетельством того, что высокая степень автономии местных органов власти, как правило, повышает их эффективность и способность реагировать на возникающие ситуации.

Наиболее важным следствием скрытых соглашений, которые возникали внутри экономических систем советского типа, явились, по-видимому, не рост коррупции и политического сепаратизма, а то, что они стали помехой экономическому росту. Как мы помним, система советского типа зависела от конкуренции рядовых управленцев, которая создавала источники получения информации и стимулы для функционирования самой системы. У рядового же чиновничества имеются стимулы заключать тайные соглашения с целью уменьшить взаимодавление фактора конкуренции и получать в собственное распоряжение излишки ресурсов, которые они контролируют. С течением времени становятся возможными дополнительные скрытые коллективные акции, и в конце концов государственные предприятия и промышленные объединения превращаются в мощные внутренние лобби. Последние руководствуются скорее узконаправленными, чем всеохватывающими интересами, и не обладают практически никакими мотивами, побуждающими их заботиться о процветании общества. По этой причине, а также из-за отсутствия достоверной информации в центре и недостаточности рыночных стимулов государственные предприятия на поздних, наиболее пораженных "склерозом" стадиях коммунизма нередко начинали работать в высшей степени неэффективно. Отдельные крупные государственные предприятия становились настолько неэкономичными, что стоимость используемых ими материальных ресурсов после оценки их по реальным мировым ценам превышала свободную рыночную стоимость выпускаемой продукции. Тем не менее размеры и иерархическая структура этих предприятий позволяют заключить, что они имели мощную лоббистскую власть.

После падения коммунизма и прихода демократии крупные государственные предприятия получили возможность открыто лоббировать законодательство, направленное против импорта, проталкивать выделение государственных субсидий, а также добиваться получения беспроцентных ссуд и права взаимного кредитования предприятий, которое в конце концов финансировалось путем эмиссий Центрального Банка. Степень относительной политической власти этих предприятий-динозавров была высока еще и потому, что у вновь создаваемых фирм, как правило, не было времени для того, чтобы преодолеть неизбежные трудности и организоваться для коллективных действий, и они действовали неорганизованно. Это означает, что диспропорционально высокая доля лоббистского влияния в обществах, переживающих период преобразований, приходится именно на те предприятия, которым на смену, как правило, должны прийти вновь созданные или иностранные фирмы. Влияние данного фактора в значительной степени замедлило процессы адаптации и трансформации посткоммунистических экономических систем. Кроме того, кредитование в форме субсидирования, которое получали эти предприятия, послужило основным источником инфляции в обществах, находящихся в процессе преобразований. Разумеется, приватизация может значительно уменьшить лоббистское влияние данных предприятий, поскольку лишает их прежнего инсайдерского статуса, однако никоим образом не способна полностью устранить этот фактор.

Как уже упоминалось, "экономическое чудо" в Западной Германии и Японии после поражения фашизма во многом обязано тому факту, что как сами фашистские правительства, так и оккупационные власти союзников уничтожили большинство существовавших ранее в этих странах лобби и картелей. Напротив, после падения коммунизма общества, в которых начались преобразовательные процессы, буквально заполонили мощные лобби, которые представляли собой крупные предприятия и промышленные объединения, унаследованные от прежнего режима. "Красный склероз" оставил этим обществам в наследство исключительно вирулентную форму "британской болезни". Я полагаю, что это одна из наиболее серьезных причин того, что после падения коммунизма экономическая деятельность становилась иногда еще менее эффективной, чем прежде. Метод лечения данной болезни легко описать, однако

сложно применить на практике. Каждое лобби, объединенное узконаправленными интересами, будь то даже гигантская компания или крупное промышленное объединение, представляет собой крайне малочисленную группу населения. Таким образом, при условии, что суть данного вопроса станет достоянием общественности, любое требование законодательных мер, обеспечивающих защиту узконаправленных лоббистских интересов, легко можно будет нейтрализовать большинством голосов. Ведь действительно в большинстве случаев эти узконаправленные интересы представлены настолько мизерной частью электората, что многочисленнее ее оказывается даже интеллигенция, т.е. та часть населения, которая много читает и живо интересуется вопросами общественного развития. Из этого следует, что при глубоком понимании данной проблемы, а также особенностей экономики западного типа широкими слоями населения стран, переживающих период трансформации, проблема в основном будет решена. Безусловно, крайне трудно изменить общественное мнение или хотя бы создать более просвещенную интеллигенцию, однако определенный прогресс в этом направлении все же возможен. По меньшей мере при достаточном закреплении позитивных изменений в этом направлении мы можем быть уверены, что и в посткоммунистических обществах станет возможно "экономическое чудо", подобное тому, которое имело место после падения фашизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gambetta D.* The Sicilian Mafia. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993.
2. *Olson M.* Rise and Decline of Nations. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1982.
3. *Sheridan J.E.* Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-hsiang. Standford, CA: Stanford Univ. Press, 1966.
4. *Olson M.* Logic of Collective Action. Cambridge: Harward Univ. Press, 1965.
5. *Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // Amer. Political Sci. Rev. 1994. Sept.
6. *McGuire M., Olson M.* The Economics of Autocracy and Majority Rule: the Hidden Hand and the Use of Force // IRIS Working Paper. 1994. № 127.
7. *Kwang Choi.* Theories of Economic Growth. Ames, IA, Iowa State, 1983.
8. *Vedder R., Galloway L.* Rentseeking, Distributional Coalitions, Texas, Relative Prices, and Economic Growth // Public Choice, 1986. V. 51. № 1.
9. *Chan S.* Growth with Equity: A Test of Olson's Theory for the Asian Pacific-Rim Countries // J. Peace Res. 1987. V. 24. № 2.
10. *Weede E.* Catch-Up, Distributional Coalitions and Government as Determinants of Growth and Decline in Industrial Democracies // Brit. J. Sociol. 1986. V. 37.
11. *Lane J.-E., Ersson S.* Comparative Economic Development. Ann Arbor: Michigan Univ. Press, 1992.
12. *Sandler T.* Collective Action: Theory and Application. Ann Arbor: Michigan Univ. Press, 1992.
13. *Rauch J.* Demosclerosis. N.Y.: Times Books, 1994.
14. *McKinnon R.* Taxation, Money, and Credit in a Liberalizing Socialist Economy // The Emergence of Market Economies in Eastern Europe / Ed. C. Clague, G. Rausser. Blackwell, 1992. (Русский перевод опубликован Фондом борьбы за экономическую грамотность. М., 1994).
15. *Gatrell P., Harrison M.* The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View // Econ. History Rev. 1993. V. XLVI.
16. *Easterly W., Fisher S.* The Soviet Economic Decline: Historical and Republican Data. 1993 (не опублик.).
17. *Murell P., Olson M.* The Devolution of Centrally Planned Economies // J. Comparative Econ. 1991. V. 15.

Поступила в редакцию
15 V 1995